

Домов под жестяными крышами в селе мало: раз-два, и обчёлся. Поэтому их владельцы считали себя рангом выше других односельчан. Девушка на выданье в таком доме считалась завидной невестой, даже несмотря на неприглядную внешность. Люди в них обосновались зажиточные и, как правило, безупречной нравственности, особенно девушки.

Степанидину Таську, жившую в доме под жестяной крышей, все матери взрослым девицам ставили в пример:

– Ты только погляди, какая скромная девка эта Таська! Никогда никто не видел, чтобы она заигрывала, как другие, с парнями! Со старшими всегда поздоровается, а хромой бабке Анисье каждый день воды с колодца принесёт.

Девушки пренебрежительно отмахивались:

– Хочешь, не хочешь, а будешь скромницей. Каланча, а не девка, кто с ней станет заигрывать?

Таисия действительно – высокого роста девушка, но лицо – миловидное, а застенчивость ещё больше его украшала. Если бы художник рисовал на полотне лики святых, там обязательно оказалось бы лицо Таисии. Отец девушки, Захар Антонович – уважаемый в селе человек. Если кто начинал строительство дома или покупал корову – всегда советовались и с Захар Антонычем. Степанида, мать Таисии, степенная женщина, гордилась своим Захарком и детьми – Тасенькой и сыном Павлушкой.

Двор у Захара со Степанидой огромный. Часть его осталась Захару от отца. Там ещё сохранились старые деревья – яблони, груши. В углу двора – довольно глубокий колодец. Когда его выкопали, определить невозможно: Захар помнил его с детства. Долгое время вся семья им пользовалась, брала воду. Но поскольку всё подворье располагалось на взгорке, к лету колодец пересыхал, и воды становилось мало. Пришлось от старого колодца отказаться и выкопать новый, поближе к дому. Захар Антоныч даже пригласил деда Трифона, обладателя магической веточки. С её помощью старый Трифон указывал точно, где следует копать колодец.

На то время, о котором ведётся рассказ, Тасе исполнилось двадцать лет. Младший брат Павлушка заканчивал десятилетку и мечтал поступить в художественное училище. Только не на художника, нет! Увлекался Павел разными поделками из дерева. Все подоконники в доме заставлены хитроумными фигурками, а крышку колодца парень украсил кружевным узором из дерева. Правда, в этом ему помог сосед, Артём Денисович, живший по соседству с женой Нюской. Детей у них отродясь не было и все силы Артём отдавал любимому занятию – резьбе по дереву.

Собственно, Павлика приобщил к этому он же, Артём, что всех удивило: молчун Артём ни с кем не общался. Их с женой в селе прозвали бобылями. Павлик же с дядей Артёмом нашёл общий язык. Оба что-то строгаи, выпиливали, замачивали в бочке с водой – и всё это молча.

Однажды Пашка принёс домой на небольшой дощечке изображение женского лица и, гордый, преподнёс его сестре Таске. Та изумилась – это её портрет! Она себе о-очень понравилась на этой дощечке.

– Павчик, неужели это ты сделал? Но это же очень здорово! Вот увидишь, тебя зачислят в училище без экзаменов!

Павлуша смутился, порывался что-то объяснить, но сам себя обрывал на полуслове, видя искреннюю восторженность сестры, не выдержал:

– Тася, я тебе открою секрет, но ты никому об этом не скажешь! Договорились?

Таисия, любуясь своим, таким привлекательным изображением, со всем соглашалась, кивая головой:

– Конечно, Павлик, не скажу никому. А о чём не сказать?

Павел набрался духу и выпалил:

– Этот портрет сделал дядя Артём. Но дощечку готовил я! Она – кленовая. Знаешь, сколько её надо вымачивать в ольховом настое, чтобы получился вот такой фон? Это Артём Денисович меня научил. А сегодня он передал её тебе. Только просил не говорить, что это он сделал.

Тасья продолжала держать портрет, но глядела на него совершенно по-другому. Её губы улыбались, а взгляд устремился далеко-далеко и, казалось, видел то, что никому не увидеть... Пашка поглядел на сестру и с удивлением воскликнул:

– Тась, ты, оказывается, такая красивая! А я и не замечал.

Лето подошло к концу. Павел уехал в город, он поступил в училище. Настала горячая пора уборки огородов. И вдруг, совершенно неожиданно, исчезла Таисия. Первые два дня надеялись – ушла девушка к кому-то из родственников: их великое множество во всех окрестных сёлах. Время шло, но Тася не появлялась. Подключились к поискам все соседи, близкие и дальние. Даже Анька Артёма Денисыча помогала искать. Сам Артемий лежал уже который день в горячке, фельдшер ходил ежедневно делать уколы.

Поехали, кто на велосипедах, кто лошаадьми в другие деревни, спрашивали – всё бесполезно – девицы никто не видел. Тревогу ещё вызывало то, что Тася никогда без спросу не уходила из дома, даже к соседкам-подругам. В конце концов Захар Антонович написал заявление в милицию. Заявление приняли, посоветовали ждать, объяснив: молодая девушка, может, с каким парнем уехала, вскоре объявится и посоветовали не волноваться.

Время шло. Девушка не объявлялась ни с парнем, ни одна. Степанида с Захаром ходили потерянные, никакая работа не ладилась, картошка в огороде так и стояла не выкопанная. А тут ещё повадились ночью собаки выть у заброшенного колодца. Оно хоть и на отшибе, а всё равно слышно, и покоя по ночам нет. Как-то днём Захар пошёл к старому колодцу. Ещё не подойдя близко, почувствовал смрадное, ни с чем другим не сравнимое зловоние...

Огородив колодец красной лентой от любопытных, милиционеры вытащили на поверхность жуткую находку, сразу же заковав её в клеёнчатый мешок. Затем погрузили в стоящую рядом закрытую, с зарешеченными окнами, машину. Степанида и Захару сказали:

– Ждите, вас вызовут. Будет экспертиза, будет следствие – может, это ещё и не ваша дочь.

Через неделю их вызвали в район. Принимал потерпевших в кабинете начальника райотдела милиции, капитан. Он жалел этих людей. В его бытность на службе правопорядка такое несчастье случилось впервые. Как поступать дальше, он уже определился. Конечно же, всё будет по закону. Сей-

час главное рассказать всё родителям. Капитан озабоченно взглянул на полочку с нашатырём, валидолом, отметив для себя, что пора бы обновить набор медикаментов.

Степанида и Захар, не отводя взгляда от лица начальника, сидели в ожидании.

– Уважаемые, – капитан заглянул в бумагу, прочитав имена уважаемых, – Степанида Андреевна и Захар Антонович! Примите соболезнования по поводу трагической смерти вашей дочери Таисии Захаровны Лисовицкой. Это он прочитал без бумаги, за время ведения дела – выучил.

Старики опустили головы и безучастно глядели в пол. А капитан продолжал:

– Но это ещё не всё. После вскрытия обнаружено: ваша дочь была на пятом месяце беременности. Плод был мужского пола. Глубина воды в колодце – немного меньше метра. Насилия на трупе не обнаружено, кроме ушибов от падения, поэтому следствие пришло к выводу – самоубийство. Это подтверждает и наполовину отодвинутая крышка на колодце. Напоминаю, что тайны следствия и медэкспертизы соблюдаются строго, и я советую выдать это страшное происшествие за несчастный случай. Даже если бы мы выяснили отца неродившегося младенца, предъявить ему претензии оснований нет – ваша дочь была совершеннолетней. Ну и потом, немаловажно – захоронение на кладбище... Хотя у нас теперь и новое время, но в сельских местностях мракобесия ещё достаточно – самоубийец не хоронят на кладбищах. Да вы и сами знаете... Ещё раз – мои соболезнования. Тепло получите в морге. Конечно, в закрытом гробу, сами понимаете. Там же какой-то узел с вещами, они уже истлевшие, но похоже, это – одежда покойной. Вам тоже его отдадут.

На похороны Таси, казалось, пришло всё село. Все сожалели и обвиняли Захара, что не засыпал вовремя старый колодец, в итоге, видите, какое несчастье случилось...

Гроб закрытый сверху, на крышке лежало во всю длину подвенечное платье, перевязанное посредине розовой лентой, а сверху, на уровне головы, припилили фату. Она окутывала портрет Таси на кленовой дощечке. На этом настоял Павел, приехавший сразу же, узнав о постигшем семью горе.

Степанида и Захар шли за гробом с оскламеневшими лицами. Казалось, они не осознавали, что происходит.

– Хотя бы Степанида заплакала, – шептались соседи, вытирая глаза. – А то надо же – ни единой тебе слезинки!

На девять дней сошлись все родственники: стали что-то готовить на поминки.

Захар и Степанида время от времени спрашивали: что те делают у них в доме?

Павел перед отъездом на учёбу сходил проведать соседа дядю Артёма, тот не подымался, болел. Даже на похороны не смог пойти, была одна Нюска. Несмотря на горе, Пашка привёз с собой зачётную работу показать Артёму Денисычу, чего достиг – миниатюрную фигуру коня. Только не того, из

коношню, а степного скакуна, который, казалось, летит стрелой прямо на тебя!.. В зачётке Пашке поставили пятёрку, но он не сказал об этом дяде Артёму, ждал его оценки. А дядя Артём всего лишь и сказал: «Я никогда в тебе не сомневался!» И всё. А Паше хотелось ещё что-то услышать по поводу его работы! Вместо этого Артём Денисович, явно превозмогая себя, с трудом проговорил:

— Павел, помнишь, я колыбельку делал? Ты мне тоже помогал.

— Конечно, помню, дядя Тёма! Как забыть? Она така-ая... Показать бы её в училище, вас бы сразу зачислили без экзаменов, — затем с сожалением переспросил: — Наверное, у вас её купили — кто же от такой откажется? Ну, хотя бы не продешевили, дядя Тёма?

Артём вяло махнул рукой:

— Ну что ты, Павел? Бог с тобой! Я ничего не продаю... Ты послушай, как скажу. Забирай колыбельку сейчас к себе. Нюська, жена моя, знает. Перечить не будет. Я ей сказал, что там больше твоей работы.

Заметив, что Павел хочет возражать, продолжил:

— Женишься, пообещай мне — первенца положишь в эту колыбельку... — больной замолчал, затем как бы в бреду продолжил, — Колыбелька целебная. Там веточки калиновые, берёзовые, даже дубовые... Она настаивала.

Больной явно стал заговариваться, и Павел ушёл домой, взяв колыбельку. Поставил в мастерскую, сказав, что это его работа, до сих пор стояла у дяди Артёма. Вскоре Паша уехал на учёбу.

Степанида с Захаром между собой научились обходиться без слов. Жили молча, оберегая тайну. Они уже боялись что-либо произносить вслух. Мыслями тоже не делились, понимая друг друга и так. Постепенно всё притуплялось. Захар засыпал старый колодец, набросав сверху камней, и отгородился от него, отказавшись от этого куска земли, предварительно закрепив между камнями деревянный крест.

Дожили до следующего лета. Пашка собищался — уехал на практику куда-то на Урал. Соседи, Нюська с Артёмом, беспокоили мало. Нюська иногда бегала по двору, а Артёма редко видели собирающим то ли — травы, то ли — корни.

Неожиданно по ночам возобновился возле старого, теперь уже засыпанного колодца вой. Захар несколько раз выходил ночью и бросал издали камнями, прогоняя, как думал, собаку. Но на следующую ночь повторилось то же самое. И мужчина решил на более строгие меры. Услышав вой (а это было за полночь), Захар взял в руки вилы и пошёл к старому колодцу — точнее к куче камней с крестом посредине. Стараясь идти тихо, чтобы загодя не спугнуть. Подходя ближе, услышал даже не вой, а человеческие стоны. Машинально перекрестился, хотя, пережив горе, Захар не боялся ничего.

На камне сидел человек и с подвываниями стонал. Звуки издавал охрипшие — стонал давно. Обхватенная руками голова моталась из стороны в сторону. Захар стоял позади сидевшего мужчины, держа наготове вилы. Сидевший перестал стонать и начал увещевать неизвестно кого (вокруг никого не было):

— Почему так долго не прилетаешь? Если тебя нет, тогда я зову мальчика и вою — никак не сдержаться. А он разве четырёхмесячный придёт?... — говоривший на минуту умолк, затем жутко хихикнул и продолжил, — Я согласен, прилетай вороной. Помнишь, прошлый раз? Думала, я не узнаю?... Пожалей маленького, прилети сама — его не дозваться.... Лучшее всего, когда ты — голубка...

Не боявшийся ничего Захар вдруг испугался и уронил вилы. Послышался резкий, скребущий звук железа о камень. Сидящий мужчина встрепенулся и быстро вскочил. Они, ничего не соображая, глядели друг на друга. Один — по неведению, другой — по безумию. Первым очнулся Захар:

— Артём Денисыч, ты почему здесь? Может, заблудился?

Захар слышал: у соседа бывали приступы горячки.

— Может, у тебя температура повысилась? Давай помогу тебе домой дойти.

Неизвестно, за кого принял Артём Денисыч соседа Захара, но, проглатывая окончания слов, спешил всё рассказать:

— Тася! Моя Тасенька! Она же прилетает ко мне — то синичкой, то голубкой... А однажды, такая проказница, прилетела старрой вороной. Представляешь? И села рядом в грязную шубе, молчит, думая, что не узнаю её... Она когда прилетает, мы сидим здесь до утра и всё говорим-говорим. Надо же всё решить. Мальчишка всё крупнее делается, и Тасю скоро видно будет... И вот уже несколько ночей она не прилетает. А когда её нет, у меня внутри, между рёбер, что-то рвётся, не выдержать. Тогда я вою и зову нашего мальчика, а ему всего четыре месяца, он же ещё нерождённый. Как его дозовёшься? Мы с Тасей нашли, куда уйти — в Большаково. Я там дом приглядел. Ходил накануне. Должны выйти в полночь, а кутру — уже на месте... Вот, по этой дороге, она ведёт прямо к Большакову, видишь? Тася ждала меня здесь. И мальчишечка с нею. Он же не рождённый, он у неё внутри, понимаешь?... А колыбелька ему уже готова... Я её Павлику отдал.

Говоривший остановился, ему тяжело продолжать дальше и, передохнув, внимательно посмотрел на Захара и промолвил:

— Где-то я тебя видел, только не помню, где? Ну, да ладно. Так вот — надо же такому случиться, только выхожу из дома, моя Нюська, это жена моя, криком кричит:

«Артемий, позови фельшара, пусть укол от сердца делает. Так зажало, что умру сейчас! Да бегом беги, а то не выдержи!» А к фельдшеру бежать через всё село. А потом обратно... Не состоялся наш уход тогда с моей Тасенькой. Опоздал я, уже стало светать. Но она меня простила. Поверила. Решили ждать другого случая.

Захар сначала стоял оторопевший. Затем понял, что перед ним — больной. Но дальше почему-то этот больной начал слишком часто повторять имя «Тася», более того — «моя Тасенька». Допустим, ещё где-то есть Тася, другая. Но откуда он знает о нерождёвшемся мальчике?!

Значит... Что же это значит?! Что вот он — убийца, изверг, причина их горя!

А изверг продолжал:

— И мы с Тасей решили на этот раз уже всё чётко, точно. Потому, что мальчишка растёт, скоро все увидят.

Дальше Захар не смог слушать:

— Ах ты мозгляк, падаль! Сейчас ты будешь там, где погибла моя дочь. Всё испытаете, сполна! Уж я постараюсь!

И Захар начал остервенело откидывать камни, делая посредине углубление.

— Живым тебя здесь забросаю!

Артём Денисыч с блаженной улыбкой присоединился к Захару, помогая тому делать углубление, не забывая рассказывать дальше:

— И вот в ночь, когда Тася меня здесь с вещами ждала, опять, только я вышел, а Нюська выбегает из сарая с криком: «Артемий, корова телится! Уже ножки видны, надо потянуть, помочь, а то не растелется, как в прошлый раз!». Я быстро пошёл, но... быстро не получился. Пришлось бежать за ветеринаром... А на этот раз Тася мне не поверила. Подумала, что я обманываю её...

Камни в четыре руки разбрасывались в разные стороны. Артём радовался, что яма делается всё глубже, ещё немножко и будет в его рост!

А рассказ продолжался:

— Но я потом телка на бойню сдал!

Большой камень сдвинулся и покатился, зацепляя по пути мелкие...

— И корову тоже на бойню сдал, а Нюську не приняли!..

Захар, услышав последнюю фразу, остановился с камнем в руках. Постоял. Затем злобно начал забрасывать яму обратно. Артём путался, бросал камни то в одну сторону, то в другую, пока Захар не крикнул:

— Бросай туда, где были, дурак!

Артём Денисыч, не соображая, согласен кивал головой, усердно работая. Наконец всё стало, как и раньше. Захар обложил более крупными камнями крест для прочности и направился к своему двору. Повернулся к опять сидящему на камне Артёму и нехотя промолвил:

— Не вой так громко! Зашибёт кто-нибудь вместо собаки!

Тот подобострастно кивнул головой и вполголоса, чуть ли не шёпотом, молвил:

— Мальчишку жалко...

